

Такая девочка-девочка. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета¹

Such a girl-girl. Semantics of noun reduplication in colloquial russian and the internet language

Гилярова К. А. (hilaris@yandex.ru)

Институт лингвистики РГГУ, Москва

В работе рассматривается редупликация существительных в разговорном русском языке, в таких примерах как «такая девочка-девочка», «прямо лето-лето» и др. Семантический анализ показывает, что удвоенные существительные могут нести значение прототипа, коннотации, уточнения, детерминатива, усиления и положительной оценки.

Введение

Рассмотрим следующие примеры, взятые из блогов (1), радио-эфира (2) и разговора по ICQ (3):

- (1) *И такая осень-осень, Питер-Питер под окнами*².
- (2) *В кино Андрей Сергеевич совсем не такой, как в театре, потому что там он совсем уже мэтр-мэтр* (А. Домогаров об Андрее Кончаловском в передаче «Дифирамб» на «Эхе Москвы»)
- (3) — *А чем они занимаются?* — *Да я уже и забыла, но совсем не детьми и не наукой-наукой, а скорее какой-то историко-правозащитой.*

Подобные удвоения существительных все чаще встречаются в разговорной речи молодого поколения (в основном школьного и студенческого возраста) и во всемирной сети Интернет. Они и стали объектом настоящего исследования.

Остановимся подробнее на следующих примерах:

¹ Автор благодарит за помощь в подготовке доклада Л. Д. Беклемишева, В. И. Киммельмана, Т. Э. Русситу.

² Во всех приведенных в работе примерах исправлены орфографические и пунктуационные ошибки, но больше никаких изменений не внесено: оставлены порядок слов, авторская пунктуация, разговорная лексика, «паднакафский» жаргон.

(4а) *Сол тоже приезжает туда, они снимают номер в мотеле и... любовь, любовь, любовь.* [Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001]

(4б) *Если у них такая любовь-любовь в 14, пусть женятся.*

(5а) *Ой, мороз, мороз, не морозь меня.*

(5б) *Ну, сейчас на улице –18 и я бы не сказал, что прямо мороз-мороз.*

В примерах (б) удвоенное существительное произносится без паузы и представляет собой целостную просодическую единицу, в то время как в (а) запятая указывает на наличие паузы. Вслед за А. Вежицкой [Вежицкая 1999], редупликацией (или удвоением) мы будем называть лишь феномен, представленный в (4б) и (5б). А явление, отраженное в (4а) и (5а) назовем повтором и оставим за рамками настоящего исследования. Речь пойдет о редупликации синтаксической: мы будем анализировать лишь не закрепленные в словарях удвоения, и удвоения слов, а не морфем. Наконец, в рамках данной работы не представляется возможным описать семантику редупликации всех частей речи, и мы ограничили материал существительными³. Такой выбор обусловлен новизной явления. Еще не

³ О редупликации прилагательных, наречий, местоимений и местоименных наречий см. [Крючкова 2004], о редупликации глаголов — [Israeli 1997].

давно полное удвоение существительных в русском языке считалось невозможным, и сейчас оно все еще не зафиксировано в грамматиках, по крайней мере, далеко не в том объеме, в каком встречается в современном разговорном языке.

Согласно сравнительно недавним исследованиям, для существительных в русском языке характерно дивергентное удвоение, часто с заменой начального согласного первого компонента губно-губным согласным в составе второго компонента. Ср. *тары-бары, фигли-мигли, фокус-покус, шалтай-болтай, шуры-муры, танцы-шманцы, мастер-ломастер, страсти-мордасти, трава-мурава, коза-дереза* и др. [Беликов 1990], [Земская и др. 1981], [Израэли 1996], [Крючкова 2004], [Plähn 1987]. Упоминаний полной редупликации существительных в литературе немного. Зачастую высказывания, приводимые как примеры удвоения, на самом деле имеют посередине ощутимую паузу и потому тяготеют к клаузуальному или внутриклаузуальному повтору⁴ (Ср. 1а, 2а). Однако А. Израэли обращает внимание на случай, когда выражение «X-X, а...», где X — существительное в именительном падеже, означает 'несмотря на то, что субъект X, ему присущи какие-то не характерные для X-а свойства' [Israeli 1997, с.592]:

(6) *Видят они: дурак-дурак, а не дурее других.*

Л. Л. Федорова пишет о редупликации существительных в фольклорных текстах и сказках, особенно в обращениях (*Я колобок-колобок, Петушок-петушок!* и пр.), однако справедливо указывает на ограниченность этой модели [Федорова 2005, с. 197].

До последнего времени казалось, что существительные в русском языке не могут выстраивать продуктивные модели удвоения. Зато подобные конструкции уже по меньшей мере полвека назад вошли в английский язык. В [Ghomeshi др. 2004] коллектив авторов подробно рассматривает примеры вроде:

(7) *It's tuna salad, not SALAD-salad.*

(8) *Do you LIKE-HIM-like him?*

Такие модели авторы называют «сопоставительной редупликацией» или СР (“contrastive reduplication”, CR). СР распространена в современном английском, встречается в речи как молодых, так и пожилых носителей языка и охватывает не только слова разных частей речи вплоть до предлогов, но и целые выражения. Л. Хорн, в свою очередь, называет СР «лексическим клонированием» (“lexical cloning”) и выделяет четыре ее семантических типа: 1) прототип, 2) буквальное значение, 3) усиление

и 4) добавочное значение [Ghomeshi и др. 2004, с.314].

Синтаксическая редупликация, в том числе существительных, встречается также во французском, итальянском [Вежицкая 1999], [Федорова 2005], испанском [Horn 1993] языках. Ср. [Федорова 2005, с.197-198]:

(9) *Siamo amici-amici? — Мы настоящие друзья?* (букв. «друзья-друзья»)

(10) *Abiti a Mosca-Mosca? — Ты живешь в самой Москве?* (т. е. не в пригороде)

В настоящей работе проводится семантический анализ аналогичных конструкций в русском языке.

1. Методы исследования

Для создания базы примеров мы пользовались системой поиска по Национальному корпусу русского языка (www.ruscorgora.ru) и «точечным» поиском в системе Яндекс. Список слов для точечного поиска сформировался в результате анализа примеров, услышанных в разговорной речи, по радио и телевидению, а также случайно замеченных в сети. Всего было проанализировано более 400 примеров.

Удвоенные существительные встречаются почти исключительно в предикативной функции и зачастую предваряются усилителями *такой, прямо* (с разговорным вариантом *прямо*), *совсем уж* или входят в противопоставительные конструкции *не X-X, а...* или же *не..., а X-X*. На письме сдвоенное слово пишется чаще всего через дефис, реже — через пробел.

Часто удвоенные существительные встречаются в комментариях к фотографиям. Как правило, такие примеры содержат только голый повтор, безо всякого контекста, и потому не дают достаточно материала для семантического анализа. Зато отличным подспорьем являются сами фотографии: по ним обычно можно с точностью определить, что именно вызвало у комментирующего потребность употребить редупликацию. Чтобы выяснить, существуют ли какие-то общие закономерности в выборе удвоенной формы, или же пока носители пользуются редупликацией лишь в рамках своего идиолекта, мы провели небольшой эксперимент. Фотографии, найденные в сети по ключевым словам с удвоением (*девочка-девочка, бабушка-бабушка, зима-зима* и пр.), были предъявлены 27 респондентам (средний возраст — 24 года) с просьбой описать картинку одним редуплицированным словом. Для 29 картинок из 33 нашелся хотя бы один респондент, использовавший именно ключевое слово, по которому фотография была найдена. Для 20 картинок из этих 29

⁴ Термины «клаузуальный» и «внутриклаузуальный повтор» вводит А. Вежицкая [Вежицкая 1999, с.229, 240]

ключевое слово было самым распространенным вариантом ответа. Так, например, изображение Сары Мишель Геллар (исполнительницы главной роли в сериале «Баффи») в коротких шортах и розовом топе 13 респондентов (50%) прокомментировали как *блондинка-блондинка*, а фотографию целующейся пары подростков 9 человек (30%) описало как *любовь-любовь* и еще двое как *любовь-морковь* (другие сравнительно популярные ответы — *поцелуй-поцелуй* и *молодость-молодость*). Про заснеженную сосновую ветвь 16 респондентов (59%) написали *зима-зима*, а про желтые кленовые листья — *осень-осень*. Все эти ответы культурно обусловлены, так что редупликация может считаться еще одним средством, помогающим выявить прототипы и коннотации.

2. Семантика редупликации существительных в русском языке

Согласно нашему исследованию, удвоение существительных в разговорной речи может иметь следующие значения.

2.1. Прототип. X-X = 'прототипический, обладающий характерными признаками X-а X'

- (11) *У вас прямо свадьба-свадьба была, или вы ограничились регистрацией и узким семейным кругом?*
- (12) *Знакома с семьей из папы-мамы-2х детей, тоже милые, на великах-роликах вместе катаются, ну прям семья-семья, образцово-показательная.*
- (13) *Я сняла дачу — такую дачу-дачу... с местом для шашлыка и вечернего чая, с видом на закат...*
- (14) *Все женщины разные, и по жизненному опыту знаю, что далеко не все мамы прям «мама-мама»! Мое окружение было на все 100 уверено, что я на 5 день после родов побегу на переговоры и т. д. А я оказалась «сильно мама-мама».*

Под «X-X» в (11)-(14) скрывается прототип X-а [Rosch 1975]. Прототипическая в нашей культуре свадьба подразумевает белое платье, лимон, шампанское, обручальные кольца, застолье с гостями. Прототипическая семья — это полная и счастливая семья с двумя детьми. Обязательные атрибуты настоящей дачи — сад, шашлык, а также, судя по анализу фотоматериала, тюлевые занавески, старый транзистор и букет полевых цветов на круглом столе с белой скатертью. Прототипическая мама сама заботится о своем ребенке и не

которое время после родов не выходит на работу. Характерно, что удвоения, выражающие прототип, понимаются слушающим безо всякого поясняющего контекста:

- (15) *Очень хорошие фотографии и рассказ, такое лето-лето!*

Анализируя корпус примеров на редупликацию существительных, можно создавать целые портреты, соответствующие народному представлению о девочке, бабушке, маме, мальчике, «блондинке», женщине, мачо, боссе т. д. Так, например, если собрать контексты из всех найденных примеров, содержащих пару *девочка-девочка*, получится, что прототипическая девочка:

носит бантики, косички, яркие платья, сарафанчики в рюшечках, футболки в оборочках, чешки; с утра до ночи перекрашивает ногти, красит губы; имеет огромные глаза в кружочке и длинные ресницы; любит пуфики и рюшечки, покупки и пирожные, розовое и голубое; не делает ничего сама; не разбирается в компьютерах; не говорит и не пишет ничего циничного и грубого; наконец, когда есть лишние полчаса, идет по магазинам.

А мужиком-мужиком можно назвать:

взрослого мужчину лет 40–50 с пробивающейся седой или лысиной и другими признаками преклонного возраста; который носит кожаную куртку, кожаную кепку, спортивную сумку, допотопную «мобилку», клетчатую рубашку; с 13 лет работает, заботится о маме и младшей сестре; лампочку прикрутит, всё починит; настоящий глава семьи; мужественный, уверенный в себе мужчина, такой, что в его объятьях можно утонуть, рядом с ним чувствуешь себя женщиной, хочется лечь и лапки поднять.

Обращение к прототипу — наиболее часто встречающееся значение редупликации.

2.2. Коннотация. X-X = 'У, обладающий некоторыми прототипическими свойствами X-а'

- (16) *Вафелька вся такая мимими... Лизучая, игручая и прям вот такая девочка-девочка. <...> Целует в нос, хрюкает, поскуливает... (о собаке)*
- (17) *Я считаю, <...> человек, стоящий на входе в подобные места, должен знать, кого именно он не пускает. Ужасно неприятно, такая Москва-Москва (речь идет о том, что кого-то не пустили в московский ночной клуб в неподходящей одежде).*

(18) *Я бы покрасила и поцарапала потом. Чтобы была такая **деревня-деревня**, французский антик* (про самодельный диванчик, у которого спинкой служит старая дверь).

Судя по корпусу примеров и фотоматериалу, выражение «девочка-девочка» зачастую применяется по отношению к взрослым женщинам и даже кошкам и собакам (ср. 16). В таком случае оно означает некий набор признаков, характерных для образа прототипической девочки, но уже оторвавшихся от него и заживших собственной жизнью, ставших коннотацией. Согласно Ю. Д. Апресяну, коннотации — это «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995, с.159]. Коннотации «не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [с.159]. Представления о прототипической свадьбе не входят в толкование, но выводятся из него, ср. свадьба = 'обряд заключения брака, а также празднество по случаю вступления в брак' [МАС]. Представления о классической девочке никак не следуют из значения лексемы, ср. девочка = 'ребенок или подросток женского пола' [МАС].

В (17) говорящий апеллирует к представлению о Москве как о недружелюбном закрытом обществе, а о москвичах как о заносчивых, не внимательных к окружающим, судящих «по одежке» людях. Подобная коннотация столицы уже устоялась настолько, что *Москва-Москва* встречается в таком значении и безо всякого поясняющего контекста:

(19) *Я не могу больше в симачев ходить, там сейчас такая **москва-москва**...* («симачев» — московский ночной клуб-бар «Денис Симачев»)).

Предъявленную респондентам фотографию глухой подворотни, найденную в сети по ключевому слову *Питер-Питер*, несколько москвичей и одна киевлянка описали как *питер-питер*, в то время как участвовавшие в опросе петербуржцы все написали *колодец-колодец* или *двор-двор*. Выражение *Питер-Питер* отсылает к некому представлению иногородних о городе на Неве, представлению, не имеющему ничего общего с нашими энциклопедическими знаниями о Санкт-Петербурге и тем более с восприятием Петербурга его коренными жителями.

Как отличить прототип X-а от коннотации X-а? Можно с уверенностью говорить о коннотации, если удвоенное существительное употреблено при «неподходящем» референте. Т. е., например, «девочкой-девочкой» названа бабушка, «мамой-мамой» — старшая сестра, «учительницей-учительницей» — строгая женщина с пучком и в очках и т. д. Редулицированные существительные в таком случае имеют уже

совершенно иное значение, нежели их «одинарные собратья». Так, выражение *москва-москва* можно истолковать как 'неприветливый', а *девочка-девочка* как 'мечтательная', 'любящая наряжаться', 'глупая'. В следующем примере редупликация порождает значение 'белый цвет' у слова *зима* (что подтверждается фотографией):

(20) *В свитере получилась хорошая сессия. На выкладке цвета про...лись, но если смотреть в полный размер, то прям **зима-зима**.*

2.3. Точность. X-X = 'точно X, в буквальном смысле X, именно X и ничто другое'

(21) *Нет ли у кого на примете горнолыжного инструктора в Киеве? Не обязательно прям **инструктора-инструктора**, но чтобы человек сам хорошо и технично катался + умел рассказать-показать.*

(22) *Ну, не прям **школа-школа** — пока только по три урока по субботам.*

(23) *Блин, жалко, что тебе прям **море-море** =)) я сча тоже в отпуск собираюсь... я правда в Чехию и Литву планирую...*

(24) *Я не понял, так мы про **секс-секс** или про жОсткий петтинг?*

Может показаться, что в (21)–(24) речь идет о прототипе, как в (11)–(15). Но это не так. Свадьба (11) не перестает быть свадьбой, даже если вовсе не отпразднована, семья (12) по-прежнему является семьей, даже если далека от прототипического варианта «мама, папа и двое детей». А вот умения технично кататься на лыжах и хорошо объяснять, строго говоря, недостаточно, чтобы считаться инструктором, как и три урока по субботам не могут считаться школой.

Во (21)–(24) удвоение лексемы отсылает к ее основному значению, подчеркивает, что слово употреблено в буквальном смысле. *Инструктор-инструктор* — это инструктор по профессии и только он, *школа-школа* — регулярные уроки в настоящей школе, *море-море* — именно море, а не озеро и даже не залив, под *сексом-сексом* подразумевается только половой акт. Редупликация устанавливает для X-а строгие рамки: или X, или не X, а третьего, промежуточного варианта нет. «Повторяя слово (X-X), говорящий привлекает внимание к этому слову и настаивает на его строгом соответствии требованиям истины. 'Я имею в виду X, а не что-то немного другое, чем X'» [Вежицкая 1999, с. 236] Согласно А. Вежицкой, с помощью этого определения можно полностью описать семантику синтакси-

ческой редупликации в итальянском. Однако лишь малую толику примеров из нашего корпуса удалось истолковать таким образом.

Чтобы проверить в каждом конкретном случае, несет ли в себе редупликация значение прототипа или уточняет буквальное значение слова, можно заменить удвоенную единицу ее «одинарным» аналогом. Если повтор лишь подчеркивал буквальное значение, общий смысл фразы не изменится, ср.:

(22a) *Ну, не прям школа — пока только по три урока по субботам.*

Если же редупликация отсылала к прототипу или коннотации, фраза станет бессмысленной:

(12a) **Знакома с семьей из папы-мамы-2х детей, тоже милые, на великах-роликах вместе катаются, ну прям семья, образцово-показательная.*

(15a) **Я не могу больше в симачев ходить, там сейчас такая москва ...*

2.4. Интенсивность. X-X = 'высокая степень X-а'

Во всех следующих примерах редупликация несет усилительное значение:

(25) *Во-вторых, вот как раз в ноябре там уже была не прям жара-жара... (= 'сильная жара')*

(26) *Я еще повспоминала... все-таки ощущение свободы в детстве — это было ого-го, вот прямо небо на плечах, прямо счастье-счастье (= 'большое счастье').*

(27) *За окном такой дождь, прямо дождь-дождь! (= 'сильный дождь')*

(28) *(Проехала пожарная машина) — Смотри, где-то пожар. (Проехала еще одна) — О, прям пожар-пожар! (= 'сильный пожар')*

(29) *Еще такое утро-утро, а я на работе (= 'раннее утро').*

Такого значения редупликации естественно было ожидать, ведь удвоение прилагательных и наречий (*большой-большой, быстро-быстро*), давно узаконенное в грамматиках и являющееся нормой для литературного русского языка, выражает именно интенсивность (признака или действия) [Крючкова 2004]. Редупликации подвергаются, как правило, качественные прилагательные (ср. **деревянный-деревянный*). Так и круг существительных, способ-

ных порождать удвоения со значением «интенсивность», ограничен лишь теми, денотаты которых можно измерить.

Возникает вопрос, стоит ли выделять интенсивность в отдельное значение, ведь можно считать, что *жара-жара* — это прототипическая жара, *счастье-счастье* — настоящее счастье и т. д. Однако высокая степень X-а не всегда означает его прототипичность. Так, сильнейший пожар на газопроводе в Москве в мае 2009 года со столбом огня в 200 метров вряд ли можно считать прототипическим. Сомнительно также, что сильный короткий ливень следует считать прототипом дождя (скорее уж это необходимый атрибут прототипической грозы). Регулярность «усилительного» удвоения прилагательных и наречий также говорит в пользу выделения усилительной функции и у редупликации существительных.

Наконец, по нашим наблюдениям, в целях передачи интенсивности существительные могут не только удваиваться, но и утраиваться: *жара-жара-жара* = 'особо сильная жара', *любовь-любовь-любовь* = 'очень сильная любовь'. А *ужас-ужас-ужас* даже легло в основу анекдота и стало использоваться как идиома. Для выражения прототипического и буквального значений утроение никогда не используется. Ср. **такая девочка-девочка-девочка, *прям инструктор-инструктор-инструктор*.

В [Земская и др. 1981] как сильное экспрессивное средство отмечается повтор с префиксацией. «Второй член повтора содержит приставку *пере-, рас-* или *раз-*, придающую усилительное значение всей конструкции» [с.115]:

(30) *Он москвич-размосквич в пятом поколении.*

(31) *Мы такие с вами соседи-рассоседи.*

(32) *Здесь он академик-переакадемик, а в Москве был бы просто доцентом.*

Судя по тому, что молодое поколение носителей не только не употребляет, но и не всегда понимает и признает такие конструкции, они постепенно уходят из языка, оставляя место полным удвоениям — коротким, минималистским, и, возможно, скопированным с языков с менее развитой морфологией и словообразованием. «Друг-друг» встречается в поисковой системе Яндекс в несколько раз чаще, чем приводимый в [Земская и др. 1981] «друг-раздруг».

2.5. Положительная оценка. X-X = 'хороший X', 'стоящий X', 'красивый X'

(33) — *И как она тебе? — Ну, там прямо такие ноги-ноги... (= 'красивые, стройные, длинные ноги')*

- (34) *Ой, ну уж прямо изображая жертву прямо **фильм-фильм** (в ответ на внесение фильма «Изображая жертву» в топ лучших фильмов).*
- (35) *Лентус... да я за половину этой цены такое **платье платье** Полинке сошью... что и ты, и она до своих пенсий этой фоткой всем хвататься будете.*
- (36) *Спасибо, что есть такая **песня-песня**, наполняющая душу воспоминаниями молодости (о песне Визбора «Люди идут по свету»).*

В (33)-(36) повторение существительного добавляет высказыванию оценочный компонент, причем всегда положительный. *Песня-песня* в (36) не может быть заменена на просто *песня* без ущерба для смысла. Для равносильной замены следует выбрать *хорошая песня*. А фраза (34) без удвоения и вовсе бессмысленна.

2.6. Разрешение многозначности.

Х-Х='Х в определенном значении'

- (37) *Чем, по-вашему, отличается парень-друг от **парня-парня**? Я уже перестала понимать, что к чему. Особенно сложно это разбирать в самом начале отношений.*
- (38) *Ищу **девушку-девушку**. Работу не предлагать!*
- (39) *При просмотре Хауса я все время не могу отделаться от ощущения, что там какой-то конец восьмидесятых: мало того, что сообщения приходят на **пейджер** (правда, мне уже умные люди объяснили, что это не **пейджер-пейджер**, а внутрибольничная автоматизированная система рассылки оповещений, так что ладно) <...>*

В (37)–(39) удвоение существительного отсылает к определенному значению многозначного слова. Так, парнем можно назвать как любого юношу и даже вообще любого мужчину (ср. *парень 1*, *парень 2* в [МАС]), так и любимого человека, «бой-френда». Сдвоенное употребление *парень-парень* указывает именно на последнее значение.

Семантику редупликации в 2.6 можно считать частным случаем 2.3. В самом деле, в обоих случаях речь идет об уточнении значения слова, говорящий с помощью удвоения подчеркивает, что именно хочет сказать. Тем не менее, мы разделили 2.3 и 2.6. В 2.3 редупликация означает 'именно Х, а не не-Х', а в 2.6 — 'именно это значение Х из нескольких'.

2.7. Детерминатив. Х-Х='определенный Х'

Удвоение существительных может нести функцию определенного артикля, помогая слушающему выбрать конкретного референта из многих.

- (40) — *Вот я с Сашами (на фотографии) — Ну и который из них **Саша-Саша**? (то есть 'тот самый Саша', 'Саша, о котором шла речь раньше, или с которым у говорящего особые отношения').*

Иногородные студенты говорят как о *доме-доме* о родительском доме в родном городе, в то время как их московское жилище для них просто *дом*. Студенты 2-го курса Института лингвистики РГГУ называют *буфетом-буфетом* буфет в их учебном корпусе, а буфет главного корпуса, соединенный со столовой, носит у них имя *буфет-столовая*. Про все остальные буфеты они говорят нейтрально *буфет*. Эти же студенты рассказали, что называют *кино-кино* их любимый кинотеатр «5 Звезд», куда они ходят чаще всего:

- (41) *А в какое кино пойдем? **Кино-кино**?*

2.8. Слияние значений

Для некоторых лексем трудно провести границу между разными значениями. Так, представление о прототипическом друге неотделимо от понятия «хороший друг», поэтому следующие примеры можно отнести сразу к 2.1 и 2.5:

- (42) *Лёха уезжает. Грустно... Он такой **друг-друг**.*
- (43) *Саш, ты прелесть... ты прям такой **друг-друг**... поддержишь всегда, выслушаешь...спасибо тебе))*
- (44) *А Алина... да ну ее нафиг, честно. Вроде такой **друг-друг**, а сама ни разу не позвонила.*

Аналогично настоящая любовь — это сильная любовь, так что удвоение *любовь-любовь* соединяет в себе значения 2.1 и 2.4. Ср. (46), а также:

- (45) *Лето уже хочу, на мопедике по Маросейке и влюбиться бы уже взаимно, чтоб прям **любовь-любовь**))*

2.9. Многозначность редупликации

Редупликация одного и того же слова может нести разные значения в зависимости от контекста. Так, например, *няня-няня* может означать: — прототипическую няню (любящая, простая, заботится

о детях) (2.1); — коннотацию няни (носит чепчик, вяжет, поет колыбельные, необразованна) (2.2); — профессиональную няню из агентства (ср. 2.3); — хорошую няню, супер-няню (2.5); — конкретную няню на фоне многих или в противопоставлении другой няне (2.7).

В (46) и (47) у выражения *ремонт-ремонт* совершенно разные значения: в (46) ‘хорошо сделанный ремонт’, то есть уже результат (2.5), а в (47) — ‘высокая степень ремонта’ (2.4) или ‘настоящий ремонт’ (2.1):

(46) *Зато я еще позавчера сидела на втором этаже, где у нас — ну прямо **ремонт-ремонт**, курила и смотрела концерт Бозушевской.*

(47) *Там не такой уж прям **ремонт-ремонт**, чтобы нас выселяли; так, косметический...*

Аналогично в (36) *песня-песня* интерпретируется как ‘хорошая, стоящая песня’, а в (48) — как прототипическая, настоящая песня со словами и музыкой:

(48) *Вчера написала свою первую песню. Ну то есть попытки всякие были и раньше, но чтобы вот*

*так получилась прямо **песня-песня**, со своей оригинальной мелодией и словами, — это впервые.*

Заключение

В работе рассмотрена семантика удвоения существительных в разговорной речи и языке Интернета. Анализ собранных данных показывает, что редупликация существительных X-X в русском языке может выражать 1) прототип X-a, 2) коннотацию X-a, 3) точное, буквальное значение X-a, 4) усиление X-a, 5) положительную оценку X-a, 6) уточнение значения многозначного X-a, 7) определенный референциальный статус X-a.

В дальнейшем интересно было бы исследовать, какого рода существительные прежде всего подвергаются удвоению, каковы синтаксические особенности таких конструкций и выделяются ли найденные нами значения и у редупликации других частей речи, также распространенной в современном русском языке. Проведению подобного исследования очень способствовала бы программа, позволяющая искать в поисковых системах Интернета любые повторы.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2.
2. Беликов В. И. Продуктивная модель повтора в русском языке // *Russian Linguistics*, 1990. Т. 14. С.81–86.
3. Вежбицкая А. Редупликация в итальянском языке: кросс-культурная прагматика и иллокутивная семантика // Семантические универсалии и описание языков (пер. с англ.). М.: Языки русской культуры, 1999. С.224–259.
4. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. М.: Наука, 1981.
5. Исраэли А. Лексическая редупликация в русском языке // *Russian Language Journal*, 1996. № 165–167. С. 83–90.
6. Крючкова О. Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // *Русский язык в научном освещении*. М.: Языки славянской культуры, 2004. № 2(8). С. 63–85
7. МАС — Словарь русского языка в четырех томах. // Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
8. Федорова Л. Л. Эмоции в грамматике // Эмоции в языке и речи. М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 178–199.
9. Ghomeshi J., Jackendoff R., Rosen N., Russell K. Contrastive focus reduplication in English (the Salad-Salad paper) // *Natural Language & Linguistic Theory*, 2004. V.22. P. 307–357.
10. Horn L. Economy and Redundancy in a Dualistic Model of Natural Language // S. Shore and M. Vilkinson (eds.) *Yearbook of the Linguistic Association of Finland*. SKY1993. P.31–72.
11. Israeli A. Syntactic reduplication in Russian: a cooperative principle device in dialogues // *Journal of Pragmatics*, 1997. V. 27. P. 587–609.
12. Plähn J. Хуйня-муйня и тому подобное // *Russian Linguistics*, 1987. Т. 11. С. 37–41.
13. Rosch E. Cognitive Reference Points // *Cognitive Psychology*, 1975. № 7. P. 532–547.